

СКАЗКИ.

ЦАРВНА-ДЯГУШКА.

Рисунки
И. А. Билибина

ЦАРЕВНА-ЛЯГУКА.

Б

некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей; у них было три сына, уdalьцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Младшего звали Иван-царапич. Как стали сыновья на возрасте, собрал их царь и говорит:

— Вот что, сынки, пора вам жениться, возьмите каждый по стреле, выходите в чистое поле, натяните тугие луки и стреляйте в разные стороны. Куда чья стрела упадет, там и ищите себе жену.

Стрела старшего брата упала на боярский двор, подняла ее боярская дочь и подала царевичу. Стрела среднего брата полетела на широкий купеческий двор, подала ему стрелу молодая дочь купеческая. Пустил свою стрелу младший брат — улетела стрела никто не знает куда.

Вот он шел-шел, дошел до грязного болота и видит, сидит на кочке лягушка-квакушка и его стрелу держит.

Воротился Иван-царевич к отцу и говорит ему:

— Что мне делать? Нельзя же мне лягушку за себя взять! Век жить — не поле перейти. Лягушка не ровня мне.

— Бери! — отвечает ему царь. — Знать, судьба твоя такая.

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягушке-квакушке. Много ли, мало ли времени проходит, призывает их царь и приказывает:

— А ну-ка, которая из невесток хозяйствует лучше всех. Чтобы жены ваши испекли мне к завтрему по мягкому белому хлебу.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Что закручинился? — спрашивает его лягушка. — Аль услышал от отца своего слово неприветливое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтрему изготовить мягкий белый хлеб.

— Не тужи, царевич, не горюй! Ложись-ка спать-почивать, утро вечера мудренее!

Уложила царевица спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась девицей-красавицей, Василисой Премудрою, вышла на красное крыльце, ударила в ладоши и закричала громким голосом:

— Мамки, няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой по праздникам едала я у моего родного батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакушки хлеб давно готов — пышный, румяный и такой красоты, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, выведены сверху города и с заставами. Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в полотенце и понес к отцу. Принесли свои хлебы и другие сыновья.

Царь сперва принял хлеб от старшего сына, посмотрел-посмотрел и отоспал на кухню. Принял от среднего сына и отоспал туда же. Подал свой хлеб Иван-царевич, а царь и говорит:

— Вот это хлеб, так хлеб, его только в праздник есть! — и приказал подать его к царскому столу.

После того царь сказал сыновьям:

— Хочу теперь посмотреть, которая из невесток лучше всех рукodelничает. Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру.

Воротился домой Иван-царевич невесел, опять ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Что закручинился? Аль царю-батюшке мой хлеб не по нраву пришелся, аль услышал от него слово жесткое, неприветливое?

— Как мне не кручиниться, как не печалиться? Государь мой батюшка за хлеб велел благодарить, да еще приказал тебе за единую только ночь соткать ему шелковый ковер.

— Не тужи, царевич, не горюй! Ложись-ка спать, сам увидишь, что утро вечера мудренее!

И. БИИНБИНД. 1899.

— Благодарствуй, пригодится у порога постелить!

Тут подал свой ковер средний царевич. Царь принять повелел, потрогал его и сказал:

— Об этот ковер хорошо ноги вытират!

Как развернул свой ковер Иван-царевич, все так и ахнули. Царь сам принял его, загляделся, а потом приказ отдал:

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу и обернулась девицей-красавицей, Василисою Премудрой, вышла на красное крыльце, ударила в ладоши и закричала громким голосом:

— Мамки, няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать — чтоб таков был, на каком сиживала я у моего родного батюшки!

Наутро проснулся Иван-царевич, лягушка по полу скачет, а ковер у нее давно готов — и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен ковер златом-серебром, вышито на нем все царство, с городами и деревнями, с горами и лесами, с реками и озерами. Обрадовался Иван-царевич, взял ковер и понес к отцу. В это время привнесли ковры и другие сыновья.

Старший царевич протянул свой ковер, царь велел принять его, посмотрел и сказал:

— Постелить этот ковер перед моим царским троном!
И приказал царь своим сыновьям, чтобы завтра же явились к нему на пир вместе со своими женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Что закручинился? Али от отца услыхал слово неприветливое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой к нему на пир приходил. Как я тебя в люди покажу!

— Не тужи, царевич! Ступай один к царю, а я вслед за тобой буду, как услышишь стук да гром — скажи: „Это моя лягушонка в коробочке едет!“

Вот старшие братья явились к царю со своими женами, разодетыми, разубранными, стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что ж ты без жены пришел? Хоть бы в платочек ее принес! И где ты такую красавицу выискал? Чай все болота исходил?

Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся. Гости испугались, повскакивали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости! Это моя лягушонка в коробочке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни взуметь, ни взгадать, только в сказке сказать. Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила, закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости и давай то же делать. Попили-поели, пришел черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и в пляс пошла. Махнула левым рукавом — сделалось озеро, махнула правым и поплыли по воде белые лебеди. Царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли плясать, махнули левыми рукавами — гостей забрызгали, махнули правыми — кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился да и прогнал их.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась.

— Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б ты немножко подождал, я бы навечно твоей стала, а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве — у Кощея Бессмертного.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, потом собрался, простился с отцом, с матерью и пошел куда глаза глядят. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — попадается ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй, — говорит, — добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему свое несчастье.

— Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не

И ВЛІВНІВ.

тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрой, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел три года лягушко быть. Ну да я тебе помогу. Вот тебе клубок, куда он покатится — ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошел за клубочком. Идет чистым полем, попадается ему медведь. Нацелился в зверя Иван-царевич, а медведь и говорит человечьим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Идет он дальше, глядь, а над ним летит селезень. Царевич прицелился из лука, хотел было его застрелить, как вдруг говорит селезень человечьим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе когда-нибудь пригожусь.

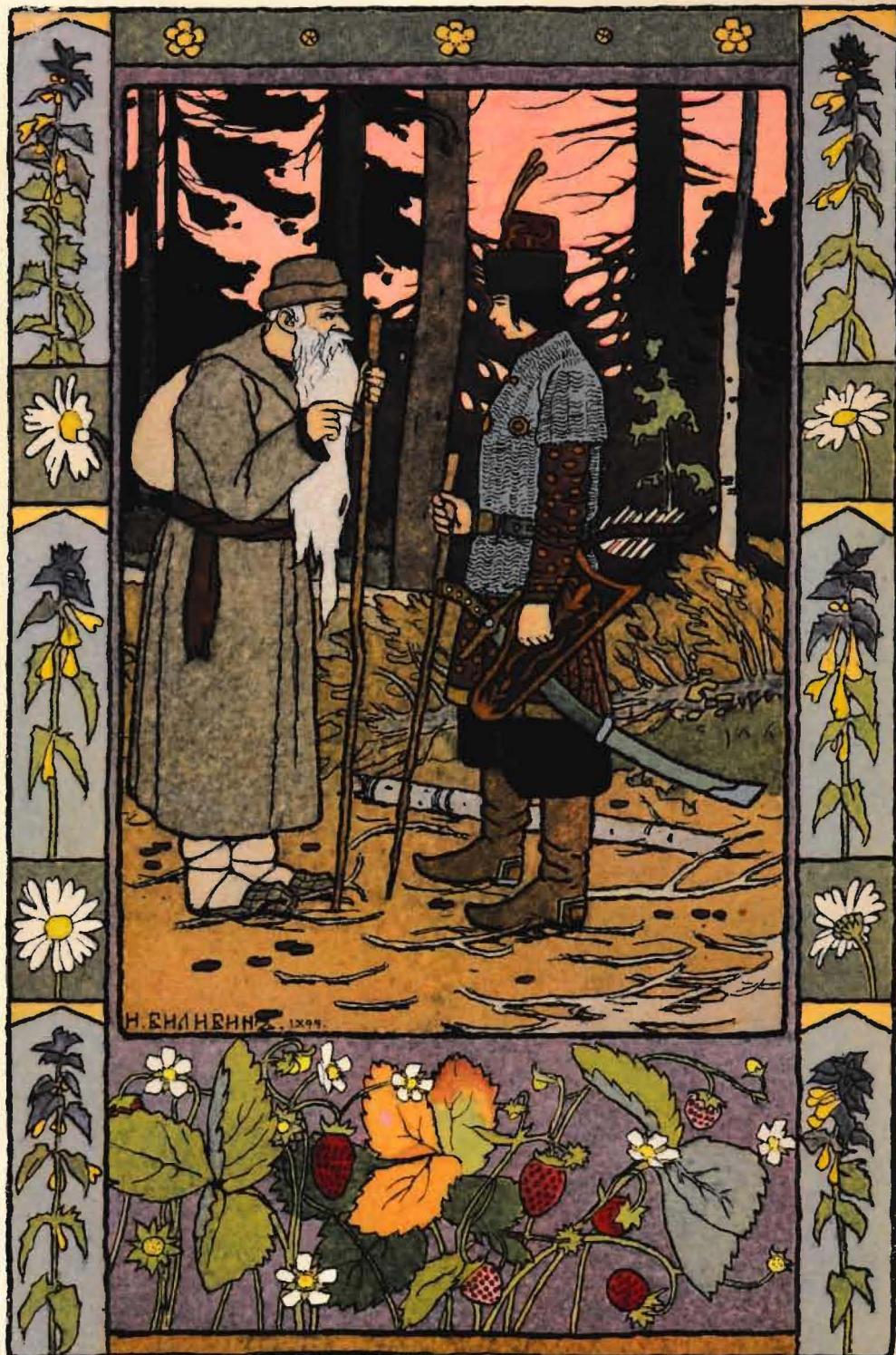
Пожалел он его и пошел дальше. Бежит косой заяц. Царевич опять за лук, стал целиться, а заяц сказал ему человечьим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Пожалел его царевич и пошел дальше — к синему морю, видит — на песке лежит, издается щука.

— Ах, Иван-царевич, — сказала щука, — сжалась надо мною, пусти меня в море. Он бросил ее в море и пошел берегом.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к маленькой избушке.

И.РЕПИНЪ. 1900.

На самом берегу стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.
Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— ко мне передом, а к морю задом.

Избушка повернулась. Царевич взошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпичи лежит Баба-яга.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал?

— Ты бы прежде меня, дорожного человека, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда бы и спрашивала.

Баба-яга накормила его, напоила, выпарила в бане. Тогда царевич рассказал ей, что ищет свою жену — Василису Премудрую.

— А, знаю! — сказала Баба-яга. — Она теперь у Кощея Бессмертного. Трудно ее достать, нелегко с Кощеем сладить. Ну уж так и быть, скажу я тебе, где спрятана смерть Кощеева. Смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу и тот дуб Кощей, как свой глаз, бережет.

Указала Баба-яга, где растет этот дуб. Иван-царевич дошел до него и не знает, что ему делать, как сундук достать. Он и так и эдак пробовал его раскачать, нет, не подается дуб.

Вдруг откуда ни возьмись прибежал медведь и выворотил дерево с корнем, сундук упал и разбился вдребезги. Из сундука выскочил заяц и во всю прыть бежать пустился.

Глядь — а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал.

Тут вылетела из зайца утка и поднялась высоко-высоко. А за ней селезень кинулся, как ударит ее, так из утки яйцо выпало прямо в синее море. Иван-царевич при такой беде сел на берегу и залился горькими слезами.

Вдруг подплывает к берегу щука и в зубах яйцо держит. Взял он то яйцо и пошел к Кощееву жилищу. Кощей, как увидел яйцо у него в руках, так весь и затрясся. А Иван-царевич зачал яйцо с руки на руку перекидывать. Он кидает, а Кощей-то бьется, мечется. Но сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а когда разбил Иван-царевич яйцо, достал из него иглу, да отломил кончик, так и пришлось Кощею помереть. Тогда Иван-царевич пошел в Кощеевы палаты, взял Василису Премудрую и воротился с ней домой в свое государство. Царь на радостях устроил пир на весь мир. После того они жили вместе и долго и счастливо.

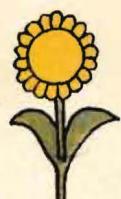

И был царь,

У царя был двор,

Не начать ли сказку сначала?

На дворе был кот,

На колу мочало;

